

Овчарка усмехнулся:

— Я уверен, ты и сама всё поняла, такая умная.

Ола, не говоря ни слова, достала пистолет и нацелила его Овчарке в голову.

— Ладно, ладно, скажу, — Овчарка добровольно сложил оружие. — Что тут сложного? Разве не очевидно? Это я выпустил Чжэн Кэ. Будь то по неосторожности или намеренно, Хаза всё равно не простил бы меня. Либо я умру, либо он. Я просто хотел выжить!

Ола не опускала пистолет:

— Ты не боишься, что УНИТА отомстит тебе за его убийство?

— К тому времени, как они спохватятся, я уже буду далеко от Африки. И всё.

— Что ты имеешь в виду?

Взгляд Овчарки переместился на Се Цюци. Он опустился на одно колено:

— Я хочу пойти с тобой, Се. Пожалуйста, выведи меня отсюда.

Все остолбенели. Выходит, Хаза был подарком Овчарки в знак преданности. Он хотел присоединиться не к Оле Мваку, а к Се Цюци.

Теперь всё вставало на свои места. С того момента, как он отпустил Чжэн Кэ, он, вероятно, уже вынашивал этот план. Овчарка, как профессиональный солдат, во-первых, продемонстрировал выдающиеся способности — сам факт, что он смог вырваться из окружения охранников Хазы, говорил о многом, — доказав свою полезность. Во-вторых, проявил недюжинную смелость — не каждый решится убить знаменитого «Командира». Благодаря этому его имя должно было остаться в истории плато Лунда.

Се Цюци знал, что это он отпустил Чжэн Кэ, и теперь был обязан ему. Добавив к этому подарок в виде головы Хазы, неудивительно, что Овчарка был уверен в своём приёме.

— Ты всё продумал. А я что, по-твоему, похож на того, кто собирает чужие проблемы? — усмехнулся Се Цюци.

Овчарка был уверен в себе:

— Я тебе нужен. Тебе нужен кто-то, кто сможет тебя защитить. Чжэн Кэ не справится, Син Чжифэй тоже. Я — профессиональный солдат, я знаю, как убивать, и не боюсь крови. К тому же я человек без прошлого, тень. Тебе не придётся беспокоиться, что кто-то сможет меня выследить. Для тебя одни плюсы.

— Ты убил своего бывшего начальника. Как я могу быть уверен, что однажды не решишь убить и меня?

— Я убил Хазу, потому что он предал меня. Он обещал помочь мне уехать из Африки, но не сдержал слова. Он предал первым. Ты — нет. Ты исполнишь мою мечту. Зачем мне убивать тебя? Если однажды я уйду, я скажу тебе об этом. Но убить тебя — никогда.

Слова Чжэн Кэ упали в благодатную почву и проросли цветком ненависти.

Овчарка усмехнулся, глядя на Чжэн Кэ:

— Если хочешь кого-то благодарить, благодари этого парня. Его слова стоили того, чтобы к ним прислушаться.

Се Цюци спросил у Чжэн Кэ:

— Что ты ему сказал?

— Ну... что Хаза плохо к нему относится, что с ним нет будущего... ты же слышал, что он сказал, — осторожно ответил Чжэн Кэ. — Я просто хотел, чтобы он меня выпустил. Я не подстрекал его убить Хазу. Честно, поверь мне.

Он не посмел бы солгать Се Цюци, тот это знал.

Да и нельзя было винить во всём одного Чжэн Кэ. Овчарка не был дураком. Как Хаза относился к подчинённым, он знал лучше всех. Неужели у него не было к Хазе ни капли обиды? Была, конечно. И зародилась она не в тот миг, когда Чжэн Кэ открыл рот.

Просто раньше у Овчарки не было лучшего выбора. Пирамида власти Хазы казалась незыблемой, и он был лучшим хозяином из доступных. Поэтому Овчарка должен был хранить верность, хотя бы для вида. Но стоило пирамиде Хазы дать трещину, как уход стал единственным разумным выходом.

Только с Се Цюци был шанс осуществить мечту и уехать из Африки.

Теперь всё встало на свои места. Выстрел Овчарки оказался чистой случайностью.

Се Цюци беспокоился, что Ола не смирится с этим:

— Если хочешь его убить — твоё право, я не буду мешать. Но в дальнейшем он ещё может нам пригодиться, — тихо добавил он. — Не забывай про золотой бриллиант. Нам ещё везти его в Намибию.

Ола не могла сдержать ярости:

— Полезных людей много! Он убил моего мужа и должен заплатить жизнью!

— Боже, женщины бывают упрямы, — сокрушённо провёл рукой по лицу Овчарка. — Какая разница? Ты ведь сама собиралась его убить. Я просто сделал это за тебя! Ты думаешь, заточив его в подземелье, ты сделаешь его счастливым? Он не из тех, кто смирится, пока дышит. Ты отнимаешь у него не только жизнь, но и достоинство!

— С каких пор ты стал решать за меня? — мрачно спросила Ола.

Овчарка ответил:

— Если ты действительно думала о своём муже, то должна знать: он предпочёл бы смерть унижению. Я дал ему достойный уход, госпожа. Теперь его можно похоронить с почестями. Власти скажут, что он пал от рук террористов или грабителей, что при жизни он много сделал для страны... В общем, его жизнь завершилась не бесславно.

Все присутствующие понимали, что он прав. Но Оле было трудно принять это сердцем.

Овчарка кивнул:

— Хорошо. Если ты непременно хочешь, чтобы я заплатил за смерть твоего мужа, я заплачу.

Он внезапно взмахнул рукой, выхватил мачете и одним резким движением отрубил себе левую руку. Кровь хлынула ручьём, отрубленная конечность с глухим стуком упала на пол.

Его движение было столь стремительным, что никто не успел среагировать. Даже Ола, увидев окровавленный обрубок, невольно опустила пистолет.

Овчарка потерял равновесие и рухнул на колени, лицо его мгновенно побелело.

Чжэн Кэ поддержал его, сжалившись:

— Ола, если хочешь его убить — дай ему быструю смерть, мы все поймём. Если не хочешь — нужно срочно позвать врача.

Ола вздохнула и махнула рукой:

— Ладно. Уведите его.

Она распорядилась унести и тело Хазы в мешке, а сама осталась сидеть в одиночестве.

На самом деле она допускала, что Хаза может не пережить эту операцию — если они не успеют ввести сывортку в течение пятнадцати минут, он умрёт. Хотя процесс вышел совсем не таким, как она планировала, к такому исходу она была готова.

Много лет она представляла себе, как свергнет мужа и займёт его место, испытывая при этом смешанные чувства. Порой она даже не была уверена, хочет ли этого на самом деле. Боролась ли она за честь семьи или просто поддалась амбициям?

Она спрашивала себя, стоило ли оно того — чтобы человек, которого она искренне любила и ненавидела, навсегда исчез из её жизни.

Се Цюци сел рядом:

— Не терзай себя слишком. Подумай о ребёнке — и всё обретёт смысл.

К счастью, у неё был ребёнок. В памяти Олы всплыло круглое личико Надии, так похожее на Хазу.

— Надия становится всё больше похож на отца. В прошлый день рождения все гости говорили, что он — вылитый Хаза.

— Он превзойдёт своего отца, — сказал Се Цюци. В конце концов, у него такая мать.

Взгляд Олы упал на фотографию молодого возлюбленного:

— Раньше я не знала, что «навсегда» — это так жестоко.

Се Цюци понял, что в её возрасте она имеет право на такие слова.

— Все говорят о «вечной молодости», «вечной любви», «вечном счастье»... словно «навсегда» — это нечто прекрасное. Но в реальности есть только «навсегда потерять». Когда он уходит

навсегда, ты понимаешь: «навсегда» — это нож. И только когда он вонзается в тебя, ты чувствуешь, как он остр.

Врачи остановили Овчарку кровь и перевязали рану. Руку пришить было уже невозможно. Для солдата потеря руки, которой он держит оружие, равносильна потере ремесла. Это был сокрушительный удар по карьере.

Чжэн Кэ счёл его поступок безрассудным:

— Она же не требовала, чтобы ты рубил себе руку. Зачем так рваться? И что теперь?

Овчарка отмахнулся:

— Одна ещё осталась. Хватит.

— Сможешь стрелять так же метко, как раньше?

— Потренируюсь — будет получаться.

Человек он был с невероятной, почти болезненной верой в себя.

Чжэн Кэ испытал к нему что-то вроде уважения:

— Ты правда хочешь пойти с Цюци? А вдруг он откажет?

<http://bllate.org/book/15957/1426911>